

Закон 6 сентября 1789 г. утвердил их в этих обязанностях, а в следующем октябре парижский муниципалитет, еще временный в ту пору, устроил свою тайную полицию под названием комитета расследований.

Таким образом муниципалитет, хотя и зародился сам из революции, возвращался к одной из худших традиций старого порядка - тайной полиции. После 10 августа 1792 г. Законодательное собрание постановило, что вся «полиция общественной безопасности» должна перейти в руки советов, департаментских, окружных и муниципальных; и под руководством одного общего Комитета надзора были установлены подчиненные ему полицейские комитеты в каждой секции. Вскоре, впрочем, по мере того как борьба между революцией и ее противниками становилась все ожесточеннее, эти Комитеты были завалены работой, а потому 21 марта 1793 г. в каждой коммуне и в каждой секции коммуны в больших городах, разделенных, как Париж, на секции, были установлены особые революционные комитеты, из 12 членов каждый¹.

Таким образом секции через посредство своих революционных комитетов обращались в полицейские учреждения. Правда, круг действия этих комитетов был ограничен сперва надзором за иностранцами; но мало-помалу они приобрели права, такие же обширные, как и управление тайной полиции в монархическом государстве. В то же время можно было проследить, как секции, бывшие сперва органами народной революции, понемногу подавлялись по лицейским обязанностям своих комитетов, а сами эти комитеты, все более и более теряя характер муниципальных органов, обращались во второстепенные органы полицейского надзора, всецело подчиненные Комитету общественной безопасности².

Комитеты общественного спасения и общественной безопасности отделили таким образом революционные комитеты от своей соперницы, Парижской коммуны, которую они ослабили этим способом. Приучая же секции и их комитеты к повиновению, они обращали их понемногу в части государственного, чиновничьего механизма. Наконец, под предлогом прекращения злоупотреблений Конвент обратил их в своих чиновников на жаловании и вместе с тем подчинил все 40 тыс. революционных комитетов Комитету общественной безопасности. Ему же вместе с тем дано было право производить чистку этих комитетов и самому назначать их членов.

Стремясь все централизовать в своих руках, как это делала монархия в XVII в., центральное государственное чиновничество республики отняло таким образом у народного самоуправления право выбора судей, администрации благотворительности, распоряжения массой хозяйственных дел, сношения с армией и т. д., а также ограничило его в других отправлениях и, наконец, вполне подчинило себе в делах полиции.

Но этим самым государство окончательно убило секции, революционные муниципалитеты и революционный дух. Почва готовилась для реакции.

В самом деле, после этого секции в Париже и народные общества в провинциях окончательно умерли. Государство поглотило их. И их смерть была смертью революции. С января 1794 г. общественная жизнь Парижа была убита, говорит Мишле. «Общие собрания секций не проявляли больше жизни; вся власть перешла к их революционным комитетам; а эти комитеты, перестав быть выборными и обратившись в чиновников, назначаемых правительством, тоже не проявляли жизненности».

Теперь, когда якобинскому правительству заблагорассудилось раздавить Парижскую коммуну, оно могло это сделать, не опасаясь за свое существование. Так оно и сделало через два месяца, в марте 1794 г.

LXIV

БОРЬБА ПРОТИВ ЭБЕРТИСТОВ. СХВАТКА МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ПАРТИЯМИ. РОЛЬ МАСОНСТВА

Уже в декабре 1793 г. Робеспьер предвидел близкий конец революционной республики. «Будем

¹ См. права, данные секцией Пантеона своему комитету, у Мелье (*Mellie E.* Les sections de Paris pendant la Revolution, p. 185).

² Les sections de Paris pendant la Revolution, p. 189 et suiv., — где даны интересные подробности об органе тайной полиции, называвшемся Комитетом общественного спасения парижского департамента, и другие сведения в том же роде.